

І С Т О Р И Ч Н И Й   Д Е Т Е К Т И В

Александр Красовицкий
Евгения Кужавская

Дело № 1

пропавшей балерины

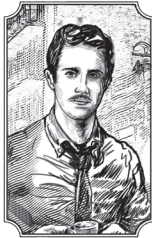
Харьков
«ФОЛИО»
2022

Тарас Адамович Галушко,
61 год, бывший помощник
главного следователя сыскной
части Киевской городской
полиции, в отставке

Мира Томашевич,
21 год, курсистка Киевских высших
женских курсов, сестра пропавшей
балерины

Яков Менчиц,
25 лет, совмещает работу
следователя и работника
антропометрического кабинета
в сыскной части Киевской
городской полиции

Олег Щербак,
26 лет, художник, поклонник
пропавшей Веры Томашевич

Сергей Назимов,
штабс-капитан первой запасной
роты, резерва первого стрелкового
полка, поклонник пропавшей
Веры Томашевич

Барбара Злотик,
21 год, балерина

Бронислава Нижинская,
прима-балерина Киевской оперы

Вера Томашевич,
19 лет, любимица Брониславы
Нижинской, пропавшая балерина

I Мира

Терпкая киевская осень пахла яблоками. А особенно в этом доме, где в тени сада их легкий, игривый аромат путал мысли нечастых посетителей еще в августе. А уж в сентябре, когда хозяин начинал колдовать над будущим вареньем, нарезая твердые желтоватые плоды тоненькими ломтиками, он напивался созревшей густотой и господствовал повсеместно. Воздух, насыщенный опьяняющими запахами, дурманил утомленных летними хлопотами ос, кружащих в предвкушении вкусной поживы над корзинами, полными яблок. Они садились на сладкие ломтики, но тут же взлетали, напуганные решительностью, с которой мужчина взмахивал рукой, отгоняя назойливых дармоедов.

Тринадцатый трамвай, проезжая мимо Олеговской, весело звякнул, останавливаясь вблизи эпицентра

яблочного аромата. Через мгновение, словно вторя ему, скрипнула калитка.

– Доброе утро, Тарас Адамович!

Голос звонкий, как трамвайный звонок. Еще не взрослый, уже не детский. Худощавый парнишка на секунду остановился у калитки, потом стремительно зашагал по ровной, выложенной плиткой дорожке, построенной еще отцом нынешнего владельца дома, господином Адамом Владимировичем Галушко. Протянул газету, улыбнулся. Тарас Адамович улыбнулся в ответ, снял с плеча чистое полотенце, вытер широкую ладонь, оставив на полотенце следы от яблочного сока. Снова забросил его на плечо, встал, чтобы взять газету.

– Время для утреннего кофе, – сказал он, согнав с полотенца тут же присосавшуюся к следам яблочного сока осу, – будешь?

Парнишка, указав на набитую прессой сумку, отрицательно качнул головой. Утро – время разносчиков газет, его не тратят попусту на кофе даже с бывшим следователем сыскной части Киевской городской полиции Тарасом Адамовичем Галушко. Хозяин дома прищурил глаз:

– В другой раз?

– Если позволите. Благодарю за приглашение, – вежливо молвил парнишка, порывисто обернулся и чуть ли не стремглав подался к калитке. А дальше – в центр, туда, где вскоре забурлит жизнь города, который сейчас только пробуждается.

Кость приносил газету каждое утро в определенное время – такова была договоренность. За пунктуальность Тарас Адамович платил с излишком, никогда не требуя сдачи. И за сообразительность, ведь кроме традиционного «Киевлянина», парнишка частенько прихватывал в типографии, где работал, другие газеты, если новости в них могли заинтересовать бывшего следователя.

Подросток рано осиротел, и его забрала к себе тетка, жившая неподалеку.

Тарас Адамович бережно накрыл полотенцем ведро с нарезанными яблоками и поспешил к дому, где в уюте аккуратной кухни его ждала старая джезва – дедово наследство.

В кухне идеальная чистота, как в лаборатории. Для Тараса Адамовича это и есть лаборатория. Здесь он исследует и экспериментирует. Смешивает вкусы и ароматы. Соседские мальчишки – постоянные участники экспериментов и первые дегустаторы – как осы, слетаются во двор бывшего следователя снимать пробу с варенья.

Медную джезvu, потускневшую от времени и державших ее рук, дед Тараса Адамовича привез в качестве военного трофея вместе с воспоминаниями о невероятно вкусном кофе, который он пил где-то вдали от родного города. Воспоминания о войне он оставил в Закавказье. Внук не расспрашивал, дед не спешил делиться пережитым. Под его суровое молчание Тарас Галушко старательно размалывал зерна в мелкий порошок, отмерял ровно три ложки в холодное медное брюхо джезвы. Дед мыл ее в ледяной воде, кофе нередко варил, предварительно растопив лед. Внуку велел джезvu на открытый огонь не ставить, только в песок.

Деда, много лет тому назад обретшего вечный покой на Щекавицком кладбище рядом с могилой сына – отца Тараса Адамовича, он часто вспоминал, смешивая песок с солью и окуная джезvu в их жаркие объятия. Так кофе нагревался, но не закипал. Потом наливал его в маленькую чашечку доверху. Плетеное кресло-качалка на просторной веранде, газета и кофе – традиционное начало дня вплоть до морозов.

В джезве напиток на три чашечки. Первую Тарас Адамович обычно выпивает, пробегая глазами заголовки.

Вторую – обдумывая прочитанное. Третью можно предложить гостю – парнишке, приносящему газеты, поздоровавшемуся через забор соседу, значительно реже – старым друзьям, которые уже давно не беспокоят Тараса Адамовича до десяти утра.

Лучше всего – управиться со всеми делами в саду и дожждаться, когда солнце повиснет над колокольной Флоровского монастыря, а воздух станет густым и горячим. Полуденный кофе особенный. В такое время Тарас Адамович снимает соломенную шляпу и оставляет ее на колышке у дверей. Возвращается к джезве, выливает остатки уже холодного кофе в чашечку, добавляет молоко и сливки. Напиток холодит и одновременно бодрит.

Холодный кофе со сливками предпочитает его французский шахматный партнер по переписке Арно Лефевр, называя напиток *le mazagran*. Попивая мазагран, Тарас Адамович читает письма от мосье Лефевра.

Нынче они изрядно задерживаются: ждать приходится неделями. Потому и читать их следует не спеша – в знак уважения к работе почтовой службы в условиях войны. Последнее письмо от почитателя холодного кофе со сливками Тарас Адамович не распечатывал со вчера.

В нем ход, который может решить судьбу их партии, рассказы о парижской погоде и балете, шутки о знакомых и размышления о войне. Мосье Лефевр называет себя коллегой Тараса Адамовича, хоть оба они уже давно оставили службу в полиции. Он пишет аккуратным, почти женским почерком, при этом нередко удивляя Тараса Адамовича неожиданными атаками на шахматной доске. Французский нрав.

Время за хлопотами в саду летит незаметно. Поставив на небольшой столик чашечку с кофе, Тарас Адамович берет в руки канцелярский нож и привычным движением руки аккуратно вскрывает конверт. Достает

долгожданное письмо, откладывает в сторону нож, а сам откидывается в кресле. Холодный кофе и тень на веранде отвоевывают для него прохладу в полуденную пору еще по-летнему знойного сентября. Сквозь полусонную тишину во двор долетает робкий звон трамвая и необычный для этого времени скрип калитки.

Рука Тараса Адамовича застывает в воздухе. Мазагран в чашечке содрогается от неожиданности. Ворона с ветки соседнего дерева укоризненно поглядывает на фигуру незнакомки, которая замерла, едва ступив на дорожку. Полдень – не самое лучшее время для визитов. Кто решился нарушить устоявшийся распорядок, давно введенный для себя хозяином дома?

Девушка. Стройная и изящная. Она остановилась у калитки, вздрогнув от громогласного карканья, взволнованно перевела дыхание.

Тарас Адамович поставил чашечку на стол, вздохнул. Кем бы она ни была, послание мосье Лефевра придется отложить. Он положил конверт на стол, задержав на несколько секунд кончики пальцев на аккуратном прямоугольнике.

– Господин Галушко! – послышался робкий голосок.

Вот и все. Она не ошиблась адресом, последняя надежда на спокойствие и продолжение партии улетучилась, как старая ворона, почти сочувственно каркнувшая ему на прощанье.

– Тарас Адамович, – опять молвила девушка.

Он медленно поднялся, сделал несколько шагов и встал на пороге веранды, хотя девушка, по всей вероятности, заметила его сквозь распахнутые настежь окна. Незнакомка, расценив это как приглашение, двинулась вперед. Остановившись в двух шагах от крыльца, подняла на хозяина огромные синие глаза, еще раз повторила:

– Тарас Адамович...

– Что ж, вы угадали, – вздохнул он.

Девушка удивленно захлопала ресницами.

– Это я, Тарас Адамович Галушко.

Совсем юная, но вряд ли гимназистка. Нет, постарше. Знает его имя, выходит, кто-то дал ей адрес. Вряд ли она пришла сюда за рецептом консервированных томатов. Волнуется, хотя разговор не начинается. Он еще раз посмотрел на нежданную гостью, жестом пригласил войти во двор. Уныло скользнул взглядом по конверту с письмом от мосье Лефевра, пододвинул девушке стул. Она села за столик и тоже взглянула на конверт.

– Письмо, – отметила гостя увиденное словом.

– О, это от моего старого знакомого, – он подхватил конверт и, прежде чем она успела что-то сказать, добавил: – Вы же не откажетесь от чая? Могу предложить вам неплохой выбор варенья к нему.

Девушка чуть заметно кивнула, хозяин еще раз внимательно посмотрел на ее лицо и исчез за дверью, ведущей в дом.

Чай на травах, варенье из крыжовника, несколько листочков свежей мяты – она успокаивает. А этой опечаленной незнакомке в короне из русых волос и влажным блеском синих глаз непременно следует успокоиться. Тревога и боль вошли в аккуратный дворик Тараса Адамовича вместе с девушкой и по-хозяйски уселись на веранде, отвоевывая себе пространство. Хозяин поставил на столик фаянсовую чашку с теплым напитком, рядом – розетку с крыжовниковым вареньем.

– Благодарю, – глухо молвила девушка.

– Рецепт я нашел в записях своей бабушки, – степенно начал он.

Гостя подняла на него широко раскрытые глаза и отвела в сторону руку с чашкой, которую уже успела поднести к губам.

— Тарас Адамович, — опять молвила девушка.
Он медленно поднялся, сделал несколько шагов
и встал на пороге веранды.... Незнакомка, расценив
это как приглашение, двинулась вперед.

– Я о варенье, – спокойно сказал Тарас Адамович. – Крыжовник – он капризный. Нужно выбрать сорт, затем дожидаться спелости.

– Прошу прощения, – сказала девушка.

– О, все в порядке, – улыбнулся мужчина, и, не обращая внимания на то, что она уже открыла рот для следующей реплики, продолжил: – Естественно, я мог бы добавить другие ягоды, тогда крыжовник раскрыл бы свой вкус иначе. Однако я – сторонник моновкусов.

Девушка отпила чаю, аккуратно поставила чашку на стол и сказала:

– Ваш адрес мне дал Сильвестр Григорьевич Богач.

Мысленно пообещав заставить Сильвестра Григорьевича горько пожалеть о содеянном – вот еще выдумал! – раздавать адреса шахматных партнеров разным девчонкам, Тарас Адамович заметил:

– Сильвестр Григорьевич, кстати, наоборот – любит, когда в варенье смешиваются разные вкусы. Но ведь варенье – не борщ. Чтобы оно удалось на славу, хватит и одного вида ягод. Что скажете?

– Наверное, вы правы. Понимаете, я к вам пришла... Мне посоветовали... Сильвестр Григорьевич...

– Тот еще советчик, скажу я вам.

– Моя сестра исчезла, – вдруг четко молвила гостя. Она не расплакалась и не впала в истерику, чего больше всего боялся бывший следователь. Слезы смущают, создают ненужный хаос. Он медленно пододвинул к ней наполненную лакомством розетку и, обреченно вздохнув, посоветовал:

– Попробуйте рассказать все по порядку. Я выслушаю вас.

Ворона с соседнего дерева снова скептически каркнула. Девушка отставила чашку и тихонько начала:

– Меня зовут Мирослава Томашевич. Мы с сестрой уже полтора года живем в Киеве, снимаем квартиру

в доме по ул. Большая Подвальная, 34. Я учусь на Высших женских курсах.

Хозяин удивленно поднял брови.

– Юридический факультет, – добавила гостья. – Сестра – балерина в городском театре.

Девушка на мгновение запнулась.

– И она исчезла?

– Да. Сильвестр Григорьевич сказал, что вы можете помочь ее разыскать.

– Сильвестр Григорьевич – выдумщик, – качнул головой Тарас Адамович.

– Но... вы же – следователь Галушко? Сильвестр Григорьевич сказал, что вы – самый лучший...

– Если Сильвестр Григорьевич имел в виду нашу с ним партию в шахматы, то тут я с ним не спорю.

Девушка невольно улыбнулась, хотя улыбка получилась невеселой.

– Она выступала в небольшом пластическом этюде в Интимном театре, я вошла к ней в гримерную после выступления, однако ее там не оказалось. Вторая балерина сказала, что Вера вышла минутой назад, я ее искала, однако... – она крепко сжала пальцами фаянсовую чашку. – Я ее не нашла. Знала уже тогда – что-то случилось. Искала в театре, расспрашивала знакомых, потом ждала ее дома – Вера не вернулась... Я...

– Как давно это было?

– Неделя прошла, – опустила глаза.

Томашевич. Вероятно, полька. Стройная, как будто сама из балета. Но балерина... Балерина. Мосье Лефевр писал ему о русском балете в Париже, упоминая *c'est magnifique*¹ чуть ли не в каждом предложении. Однако Тарас Адамович, говоря о балеринах, употребил бы дру-

---

¹ *C'est magnifique* – это прекрасно (фр.).

гое слово – *frivole*². Мадемуазель Томашевич пропала или просто забыла о времени?

– Вы тоже так думаете?

– Как?

– Как в полиции. Что она просто где-то развлекается? Выходит, она уже была в полиции.

– Да, уже была. Почти сразу. Следователи сказали, что балерины... они не исчезают надолго.

– Вам предложили подождать?

– Да. Но... Вера никогда бы не поступила со мной так. Она не исчезла бы без предупреждения. Я знаю, что-то случилось.

Ее уверенность была абсолютной. Или же это просто попытка оправдать сестру?

– Понимаете...

– Просто Мира.

– Понимаете, Мира, я – не следователь. Уже давно.

– Сильвестр Григорьевич сказал, что бывших следователей не бывает, – уверенно сказала девушка.

Сильвестр Григорьевич уже наговорил на скорый и болезненный мат в три хода в их партии.

Вслух спросил:

– А Сильвестр Григорьевич...

– Он муж подруги нашей матери.

Стало быть, Марта. Жена Сильвестра Григорьевича могла принудить мужа к любому обещанию. Как же он сразу не догадался! Марта нередко делилась с ним рецептами консервированных томатов, щебетала о ценах на сахар или рассказывала городские сплетни, однако впечатление легкости и легкомысленности разговоров с ней было обманчивым. Марта управляла Сильвестром Григорьевичем железной рукой. Но его шахматный пар-

---

² *Frivole* – легкомысленный (фр.).

тнер – из Фастова. Неужели этой хрупкой сестре балерины не нашлось к кому обратиться в Киеве?

Чай был выпит. Девушка отставила чашку с одиночным листочком мяты, прилипшим на доньшке. Интимный театр – это где-то на Крещатике? Тарас Адамович не слишком интересовался богемной жизнью Киева. Изредка мог провести вечер в Опере, однако в последнее время предпочитал домашний уют, партии в шахматы с далекими партнерами или размеренный труд в саду. Здесь тишину могли нарушить разве что звонкие голоса соседских ребятишек, слетавшихся на лакомства, – смаковать вареньем, приготовленным по новым рецептам. Мальчишки были дегустаторами строгими: анализировали его поиски, улавливали малейшие оттенки вкусов, давали советы, пересыпая их собственными либо придуманными историями и смехом, а потом так же быстро разлетались, оставляя хозяина с новыми идеями для экспериментов. С ними было легко и весело. Они не требовали от него разыскивать сестер-балерин. Не пронизывали болезненным взглядом синих глаз. Не говорили дрожащим голосом «бывших следователей не бывает». Бывают. Мосье Лефевр – тоже бывший следователь. *C'est magnifique* он писал не только о балете или мазагране, но и о своем решении уйти из полиции.

Тарас Адамович устало прикрыл глаза, вспоминая свой последний день на службе. Его поздравляли, с ним прощались. Даже вручили именные часы, хотя гравер и ошибся, выгравировав вместо «Галушко» – «Галушка». Тарас Адамович не обиделся, но часы не носил, спрятав их подальше в ящик стола.

А вскоре и сам он укрылся от городской киевской суеты в своем доме-крепости, со всех сторон окруженном надежными стенами из роскошных яблонь. Обустраивал глубокий, выкопанный еще дедом подвал, возделывал

СОДЕРЖАНИЕ

I. Мира	5
II. Продавец мертвых крыс	19
III. Интимный театр	30
IV. Сицилианская защита	46
V. Эстер.	61
VI. Три пучочка гиацинтов	72
VII. Императорский связанный чай.	83
VIII. Гарде!	97
IX. Путь пешки	110
X. Дама под вуалью	126
XI. Лифты и лестница	137
XII. Имитатор	148
XIII. Санитарный инспектор	161
XIV. Старушка и садовник.	174
XV. Десять магических порошков	184
XVI. Марафон	198
XVII. Мансарда Александры Экстер	209
XVIII. Убийца двух зайцев.	220
XIX. Улица сахарных королей	231
XX. Сестры.	244
XXI. Дом учителя музыки	254
XXII. Cherche un homme.	267
XXIII. Город пропавших балерин	279
XXIV. Федра	291
XXV. Ангел, сворачивающий небо.	300
XXVI. Бронислава Нижинская	310
XXVII. Чердак дома Гинзбурга	326
XXVIII. Спаситель	338
XXIX. Киевская Швейцария.	349
XXX. Самое страшное преступление в мире	364